

“ЗАЩИЩАТЬ ОБИЖЕННЫХ И ОБУЗДЫВАТЬ ЗЛОДЕЕВ...”

(памяти святителя Георгия (Конисского), архиепископа Могилевского)

225 лет назад завершился земной путь одного из известнейших отечественных церковных деятелей – архипастыря Георгия (Конисского; 1717–1795). Путь, начавшийся на Черниговской земле в Нежине и продолжившийся в Киеве, где будущий святитель подвизается в стенах Могилевской академии – как студент, священноинок-преподаватель, а впоследствии и как ректор этого главнейшего в пределах всей гетманской Украины учебного заведения. Путь, по которому Божий Промысел о судьбах человеческих приводит Георгия (Конисского) в Могилев, вручив ему жезл предстоятеля Белорусской Церкви. Путь, исполненный тяжких трудов и достославных свершений, нелегких испытаний и великих достижений, немалых горестей и богодарованных побед. Путь, увенчанный блаженным упокоением иерарха и его прославлением: в 1993 году архиепископ Георгий был причислен к лику местночтимых святых, просиявших своим подвигом духовным в Белой Руси, а в 2017 году Русская Православная Церковь благословляет общецерковное почитание выдающегося Святителя.

Достоинно внимания и то важное обстоятельство, что Георгий (Конисский) известен не только как замечательный иерарх, но и как богослов, философ, проповедник, исследователь старины, поэт и драматург. Множество мыслей архипастыря – мыслей, основанных на его собственном опыте духовной жизни, на понимании им общества, на сведениях, почерпнутых из различных наук и, безусловно, на истинах Священного Писания и Предания, – не утратили своей ценности и насущности: их не следует предавать забвению. Так, и в наши дни трудно не признать значения тех трудов святителя Георгия, в которых он размышляет о стремящейся господствовать в дольном мире несправедливости, обличает угнетателей и утешает страждущих.

Еще в свои молодые годы Георгий (Конисский) ополчается против безумной алчности, ведущей к произволу, преступлениям и издевательствам над честными людьми. “Жажущий правды” мыслитель не желает мириться с существованием жажды обогащения – неукротимой, не знающей пощады и не останавливающейся ни перед чем. Этой непримиримостью пронизано уже раннее литературное произведение Георгия – его назидательная драма “Воскресение мертвых”, в которой с особой силой противопоставляются благочестие и порок.

“Іний зде, как Бог веліл, живот свой проводить, –

Другий противно тому вслід похотей бродить;

Іний питається, день і ноц работая, –

Другий живет, чуждіє труди поядая...”,

– повествует Георгий (Конисский) о разных жизненных стезях, определяющих будущую участь человека. Отрицательный персонаж драмы Диоктит (в переводе с греческого “угнетатель”) – воплощение похоти, ненасытности и злобы. Будучи “сильным мира сего”, он не боится возмездия: суд земной находится в его руках.

Противоположностью забывшему о Высшем – Неподкупном – Судье нечестивцу выступает положительный персонаж драмы Гипомен (“терпящий”). Богобоязненный праведник – человек трудолюбивый и нищелюбивый – становится жертвой злого умысла Диоктита: его лишают имения, разлучают с родными и, наконец, избивают до смерти. В загробном мире и сподобленный неизреченного блаженства Страстотерпец, и обрекший себя на вечные муки Угнетатель убеждаются в том, что Справедливость в конечном итоге всегда торжествует, ведь помимо человеческого суда есть

“... суд Божий неумитный,

Безмездный, безпоблажний і безволокитный”.

К смелому обличению присущих обществу недостатков архипастырь прибегает и в “Слове в неделю Цветоносную”. Стремясь усовестить своих современников, благочестие которых было показным, весьма поверхностным или же, по сути, вовсе ничтожным, Георгий (Конисский) сравнивает их с упомянутой в Новом Завете смоковницей – с деревом, покрытым листьями, но бесплодным (Матф. 21:18–22; Мар. 11:12–14; 19–26). “...Обратим очи на себя, – призывает своих слушателей проповедник, – ...не той же ли смоковнице подобны есмы, и не у нас ли также листвия премного, а плодов ничего”? Георгий указывает, что именно в жизни его паствы следует считать таким “листвием”, то есть внешним, неистинным благочестием. Это – и фарисейское пребывание в храме тех, кто не молится, но хвастает своим роскошным внешним видом – “уборами новомодными, высокими чубами и долгими хвостами, которые убогим главы обнажили и в самыя короткия и смрадные рубища прибрали”; и неугодные Господу милостыня и благотворительность, “когда одною рукою бросаю, а другою граблю, копейки даю, а тысячи беру, безвинных хлеба лишая, а ласкателей моих награждаю, благотворю безсовестным, а не Бога боящимся, исполнителям воли моя, а не Божия”.

Неприемлема для архипастыря и несправедливость, порождаемая совместно злой развращенной волей и издревле существовавшим в обществе неравенством. Подобно Апостолам и Отцам древней Церкви Георгий проповедует достойное отношение господ к людям, находящимся у них в подчинении. Поучая дворян воспитывать своих наследников надлежащим образом – наставлять “не карты обращать в руках, — орудие, изобретенное на разорение имения, на потеряние чести и времени и на погибель души, но Евангелие, — книгу живота вечнаго...”, – святитель уделяет внимание возвращению в сердцах детей знатных особ благоговения перед Творцом и человеколюбия, “дабы они с рабами ласково обходились” (“Слово в день Введения во храм Пресвятыя Богородицы”).

Георгий (Конисский) известен не только как неустрашимый борец с испорченностью человеческих нравов. Ряд творений иерарха посвящен защите Церкви от посягательств на ее благобытие: Георгий решительно противостоит притеснению православных жителей Речи Посполитой, в состав которой входили и белорусские земли, и украинское Правобережье. Поддерживаемое властью имущими насильственное насаждение католицизма и униатства, грубое попрание прав подданных “греко-восточного” исповедания, угасание “светильника веры” под натиском “свирепствующих от запада ветров”, – все это не могло не вызвать справедливого негодования в душе Могилевского архипастыря. Рискуя лишиться свободы и даже жизни, он священнодействует, проповедует, заботится о деле духовного просвещения, ободряет своих “словесных овец”, авторитетно отстаивает их интересы пред престолом польского короля, взывает о помощи к представителям российского Императорского Дома... Иерарх описывает жестокое угнетение православных в пределах Речи Посполитой: “у нас храмы Божии множайшие отняты, прочие опустошены и запечатаны, разве сов и вранов гнездящихся гласы издают”; “у нас благочестивым [т. е., православным – прим. А. Ц.] именоваться в студ ставят; за благочестие – раны, узы, темницы, домов разорение, а нередко и живота лишение издревле терпим”, – со скорбью повествует святитель. Нелегко приходится даже дворянскому сословию, а “ежели православные наши люди звания крестьянского”, “то на них просто, как хищными волками, нападение делается. Духовные, властью и силою мирскою укрепясь, гонят православный народ, как овец, не имущих пастыря, или до костелов, или до униятских церквей, — гонят не точию из домов, но из церквей наших...”

Поведав о бедствиях своих пасомых, святитель Георгий переходит к повествованию о всячески унижаемых и преследуемых православных пастырях: “сколь многие из них изгнаны из домов; сколь многие в тюрьмах, в ямах глубоких, во псарнях, вместе со псами заперты были, голодом и жаждою моримы, сеном кормлены; сколь многие биты и изувечены, а некоторые и до смерти убиты...”

Борьбе с вопиющим беззаконием, процветавшим в Речи Посполитой, иерарх посвятил много лет своей жизни. Он претерпел многие невзгоды, однако ни произвол польских властей, ни “папская гидра жестокая” – так некогда сам Георгий (Конисский) назвал силу, которой ему пришлось противостоять как первосвятителю Белорусской Церкви, – не смогли заставить его сложить оружие и сдаться на милость угнетателя. Его дух – дух потомка украинских казаков, ревностного христианина-правдолюбца и монаха, нареченного Георгием в честь святого великомученика Георгия Победоносца, – остался несломленным; святитель продолжал искать пути для спасения своей паствы от гонений. И совершившееся в конце XVIII столетия победоносное возрождение Церкви в Белой Руси и на Правобережье Руси-Украины, ознаменованное возвращением многочисленных униатов в Православие, невозможно представить вне связи с неустанными трудами Георгия, а также с трудами его сподвижников, в числе которых был и преосвященный Виктор (Садковский; 1741?–1803), впоследствии – архиепископ Черниговский.

“Если получит любящий Бога какое либо почетное звание или власть, он и то и другое употребит на пользу общую: он будет защищать обиженных и обуздывать злодеев, а чрез то еще большую честь и награду заслужит себе в будущей жизни: *побеждающему и соблюдающему дела Моя до конца*, говорит Спаситель и Судия всего мира, *дам ему власть на языцех, дам ему сести со Мною на престоле Моем* (Апок. 2, 26; 3, 21)”, – так в свое время поучал паству Георгий (Конисский). И поучал не только словом, но и деянием: все ниспосланные ему Божьим Промыслом преимущества – принадлежность к дворянскому роду, образованность, пылкий ум ученого, ораторское и поэтическое мастерство, почетные должности профессора и ректора академии и, конечно же, архиерейский сан – достойно использовались Георгием в его противостоянии дурным нравам, пороку, неправде, насилию. “Защищать обиженных и обуздывать злодеев” – эти слова могут по праву считаться девизом жития достопамятного Святителя и, вместе с тем, его

архипастырским заветом – громогласным призывом к благочестивой и законной борьбе за веру, добро и справедливость.

Доктор философских наук, религиовед Андрей Царенок